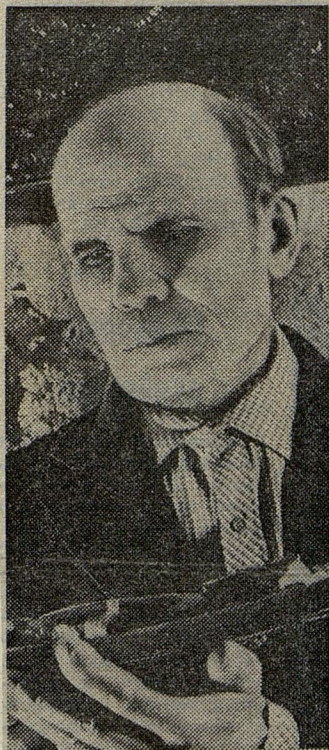

Мир увлечений

РЕЗЦОМ И СЕРДЦЕМ

Еще в пятидесятых годах Кондрахин пришел в мастерскую выдающегося скульптора Коненкова. Тот посмотрел его работы, послушал и сказал:

— Есть у тебя своя жилка! Ее и развивай! И не горюпись! Искусство не любит суеты. Опасайся глубины замысла заменять на мелочи. Но большой замысел отнимет много сил и времени, может быть, даже и жизни!

До мельчайших подробностей запомнил эту встречу молодой модельщик из Шекино Кондрахин. Особенно было лестно, что знаменитый скульптор предлагал остаться у него резчиком по дереву. Тогда его смутила оплата труда. На заводе он зарабатывал в десять раз больше.

Надо сказать, что Коненкова поразила манера работы Кондрахина: он все резал одним косым резцом и с молниеносной быстротой. Прямо на глазах Коненкова он вырезал букет роз и подарил ему на память. Знаменитый мастер растрогался: «Двери моей мастерской для тебя всегда открыты. Приезжай в любое время! И хороший материал дам...»

Но приезжать к Коненкову с пустыми руками Кондрахин не хотел. Работал неистово, однако дерево — такой податливый материал — капризничало: портрет Тол-

стого никак не получался. Пять лет ушло на первый замысел, результат Кондрахина не удовлетворил. В мучительных поисках прошло еще пять лет.

Со своими творческими проблемами он приехал к Коненкову, уже больному. Разговор был краток.

— Учиться надо, браток! — сказал мастер. — Толстой — это скала. Чтобы изваять его, надо понимать его как философа, подняться до его уровня. Для этого надо прожить его жизнь. Алмаз обрабатывается только алмазом. Так и в искусстве: мастер должен стоять выше своего замысла, только тогда он видит, что в замысле лишнее. Это лишнее и убирает. Вот и видишь ты Толстого скалой, а изваять суть не можешь. Много надо знать, чтобы это понять.

Кондрахин был поражен этой простой истиной. Действительно, что он, деревенский паренек, знал о жизни? Простые истины, а замаяхнувшись на внутренний мир Толстого.

Но замысел не отпускал, жег его, волновал, а в руки не давался...

На заводе работы все прибавлялось и прибавлялось. Приходилось работать по ночам.

С ранней юности Кондрахин был щедр: ему и десяти лет не было, когда Ванюша научился вырезать из дерева красивые трости с набалдашниками в виде рыб, птиц, зверей. Ему предлагали за них деньги, а он просто их дарил. Даже отец сердился: «Блаженный ты, что ли? Лишняя копейка карман не тянет. Время ведь на это убиваешь...»

А куда девать время пастушонку? За стадом и в полглаза можно следить, а вот чем руки занять? Увидел Иван как-то глину у деревни Кравцово, где жил. Став всякие безделушки лепить, а однажды вылепил Машку — кобылу понурю, кривую. Ну точная копия получилась.

Поставил ее на солнце сушиться, тут мужики подошли.

— Кто же это сделал? Ну вылитая Машка!

— Так ведь я. Делать-то нечего — вот и слепил, — признался он.

— Ну, Ванька! У тебя — талант. В город подавайся: на одних копиях можешь тыщи заребать! А скот пасти каждый может — ума и рук не надо!..

Город Шекино был в шести километрах от деревни. Пошел на лесопильный завод — поближе к дереву. Липа, дуб, осина, береза — все прошло через его руки, и из каждой породы дерева он что-то вырезал и многим дарил свои поделки.

Однажды его поделки и попались на глаза директору завода Лойко. Уговорил он Ивана пойти в модельный цех завода — нужен был там мастер...

Над образом Толстого Кондрахин работал до изнеможения: много читал, подолгу ходил по Ясной Поляне, представляя, как это делал сам Лев Николаевич. Вроде и видел он свой образ писателя, но дерево не поддавалось. А потом заметил, что рука стала не та, а вскоре его сразил тяжелый инфаркт. Едва встал на ноги — сразу за резец. Кондрахин не давал себе послабления: придя с работы, он допоздна не выпускал резец из рук. Сердце вновь подвело его — второй инфаркт. Врачи предупредили: «Третий может стать последним. Резец надо отложить». Сказано это было его трем детям.

Кондрахина перевели на инвалидность и посоветовали жить на природе. Так на учебной базе Тульского политехнического института появился педагог, наставник, скульптор по дереву. А вскоре начала свою работу «мастерская Кондрахина» — так называют ее все. Это своеобразный кружок, где учат от мала до велика понимать и ценить красоту. «Дедушка Иван» учит не только держать резец, но и находить красоту в окружающем мире, размышлять и воплощать свои мысли в дереве.

— Взялся за дело — делай

ТУЛА.

его серьезно, — считает Кондрахин. — Настоящая работа больше всего вдохновляет. Пусть трудно, но по-настоящему. Надо окрылять ребят. Чем? Похвалой. Я всех хвалю, даже тех, кто ничего не умеет, но пробует. Поправляю незаметно, как будто сам он делает. Смотришь — начинает понимать и делает хорошо и с удовольствием.

В музее Тульского политехнического института творчеству Кондрахина отведен целый зал. Но его работ столько, что они не уместились в зале, заняли места в кабинетах ректора, проректора, на кафедрах. А сколько его произведений разошлось буквально по рукам. Кондрахин любит их дарить. Не признает он житейской «мудрости», создает, чтобы отдавать, радовать.

Многие десятилетия Кондрахин был участником различных выставок, получал призы и признания, организовывал персональные выставки и... мечтал создать портрет Толстого, который бы его удовлетворил. Он много их вырезал, но все было не то, хотя у счастливых обладателей такого подарка они и вызывали восхищение.

— Только сегодня я понимаю, — признался Кондрахин, — сколь велик Толстой, к образу которого я подступался всю жизнь. Очень сожалеею нынче, что тогда не остался у Коненкова. Его школа помогла бы мне преодолеть неизбежные «белые пятна» в образовании. Облик Толстого я давно вижу, хочу запечатлеть его в момент творческого озарения в самом расцвете сил. Видите, сколько у меня заготовок...

Н. ХЛЕБОДАРОВ.
Фото автора.

